

Их узнаваемыми ритуальными предметами были огромные маски, олицетворявшие божеств. Обожествляли они природу: небо, землю, звёздную высь, горы, реки, пламя — всё это служило предметом поклонения. Вместе с конницей кочевых народов эта вера разнеслась по всем уголкам, дав толчок развитию множества народных верований. Говорят, такие учения, как зороастризм, Белый лотос и культ Одноногого Утуна, тоже формировались под влиянием шаманизма.

Конечно, всё это лишь предположения — письменных свидетельств тех времён осталось слишком мало, и даже обряды цинской императорской семьи сегодня служат лишь материалом для изучения народных верований национальных меньшинств.

И в самом деле: в глазах официальных властей шаманизм ныне считается не признанной религией, а скорее элементом фольклора. Однако эти люди прекрасно знали, что у шаманизма по-прежнему есть своя сфера влияния и территории. А ещё они отлично понимали: жрецы-шаманы вовсе не желают отправляться на свалку истории и прилагают для этого немало усилий.

Так что если кто-то и замышлял пакость, учитывая местный контекст, первой мыслью Суаньни был именно шаманизм.

Поэтому Суаньни достал телефон и кое-как набрал короткое пожелание. Чего он ни в какую не мог предусмотреть, так это того, что между ним и Сяо Ся пролегла пропасть между iOS и Android: символы, которые он так старательно выводил, тот... про-сто не мо-г у-ви-деть!

Ну и ладно. Суаньни спрятал телефон в карман, бросил взгляд на плотно закрытые ворота и решил, что лучше сам сходит к Сяо Ся и проверит, как там дела. Как раз накануне они договаривались съездить на День образования КНР на тимбилдинг, так что можно было просто сослаться на желание разведать обстановку пораньше.

Вообще-то он, на минуточку, занимал пост заместителя председателя Союза писателей.

Автору есть что сказать:

Суаньни: «Я знаю, что брат здесь, но молчу. Чуть что — сдам его с потрохами».

Несколько дней спустя:

Суаньни: «Брат!! Почему ты не сказал, что старик тоже тут?!»

Сюнь Вань: «Ты вообще кто такой?»

В середине сентября на холмике возле дома Ся Дунли внезапно стало шумно и оживлённо: Свинка Сяокан, уезжавший вместе с хозяином в отпуск, наконец-то вернулся!

Завистливо долгий отпуск хозяина Сяокана, Лао Сюя, подошёл к концу. Прежде чем устремиться обратно к работе, он вместе со своим боссом, сменяя друг друга за рулём, привёз Свинку Сяокан в деревню Сяоцзинь.

Ся Дунли окинул взглядом Свинку Сяокан — посвежевшего, раздавшегося в ширину на целую упитанную складку и заметно загоревшего, — а затем молча перевёл взор на того самого начальника, которого Лао Сюй окрестил «воплощением интеллигентной гнильцы», «красавчиком без души», «коварным лисом» и «эксплуататором-капиталистом». После этого он снова взглянул на Лао Сюя, выглядевшего вылитой копией Сяокана, и над двором повисла

неловкая тишина.

— Ты чего на меня так уставился?! — вскинулся Лао Сюй, почуяв на своём животе слишком долгий взгляд. Он тут же прикрыл выпирающее пузико ладонью, глубоко вдохнул и выпрямился, пытаясь втянуть лишнее. — Возраст, ничего не поделать! Ты сам-то будто не поправился? — проворчал он в оправдание.

Ся Дунли лишь хмыкнул, мгновенно включив режим защиты:

— У меня это счастливый семейный жирок, а у тебя что?

Сюй Ибай попёрхнулся, абсолютно бессильный перед бесстыдством приятеля. Чёрт возьми, не виделись всего два месяца, а у дружка кожа на лице стала толще панциря! Неужели такова трансформация холостяка, поедающего «собачий корм», в производителя этого самого корма для парочек?

Одержав первую в жизни победу в словесной перепалке, Ся Дунли остался чрезвычайно доволен собой. Он пожал руку боссу Лао Сюя, представил обоим Сюнь Ваня, а затем под сложным и полным сплетнического азарта взглядом Лао Сюя сухо кашлянул. Сославшись на то, что нужно помочь Сяокану заново освоиться в доме, он устроил гостям небольшую экскурсию.

Главным пунктом их прогулки стал обновлённый и укреплённый холмик.

Из-за машин, постоянно въезжавших и выезжавших в последнее время, у Ся Дунли зародилось чувство беспокойства, а недавнее происшествие лишь усугубило эти неприятные мысли.

Сотня му земли, арендованная Ся Дунли, имела довольно неровные границы. К тому же он ещё не успел засадить её сельскохозяйственными культурами сплошным ковром, так что пустующие участки со стороны казались обычным диким склоном. Поэтому, когда поток учёных, поднимавшихся в горы для исследований, достиг пика, некоторые водители ничтоже сумняшеся парковались прямо на его земле.

Сам Ся Дунли отнёсся к этому относительно спокойно, а вот Дами пришёл в небывалую ярость!

Вообще-то, когда они только обозначали границы аренды, весь участок обнесли красной верёвкой. Но после нескольких ударов стихии не то что невесомые верёвки — даже бамбуковые колышки, на которых они держались, унесло ветром!

Впрочем, утрата колышков собаку не смутила: Дами намертво запомнил границы их владений. Он знал их едва ли не лучше, чем Ся Дунли без карты в руках. Заметив вторжение на свою территорию, Дами без колебаний поднял заднюю лапу над стоявшими машинами... Кхм-кхм.

И дело тут вовсе не в невоспитанности! Логика Дами была проста: раз заехал на мою землю — значит, тоже стал нашей собственностью. А собственность нужно метить!

Вот только владельцы автомобилей с этим категорически не согласились.

Для мужчины машина — это же любимая «ласточка»! Ни один хозяин не сможет спокойно смотреть, как пакостят на его авто, так что конфликт между водителями и псом вспыхнул моментально.

Разумеется, водители понимали, что Дами — домашняя собака (он ведь честно носил жетон на

ошейнике!), но припугнуть наглеца демонстративным жестом посчитали своим долгом.

Вот только кем был Дами? Он был псом, у которого имелась целая свора подчинённых!

Столкнувшись с провокацией противника (эй!), Дами сперва сделал вид, что испугался и убегает. А когда враг уже торжествовал победу, он издал боевой клич и призвал всю армаду деревенских псов — от мала до велика. Но и этого ему показалось мало: он умудрился выпустить из загона даже черномордых овечек!

Если бы Ся Дунли не почувствовал неладное и не поспешил вслед за ними, то с боевым задором их домашних питомцев машина вполне могла оказаться перевёрнутой.

Когда он прибежал, задыхаясь от бега, Сяомэ уже пригнул голову и нацелился рогами аккуратно в днище автомобиля!

Сяомэ давно уже не был тем молочным агнцем, чьи бодания вызывали лишь умиление. Теперь он обладал парой внушительных рогов, которые к тому же наточил до остроты бритвы, постоянно состязаясь с черномордыми овечками, пытавшимися оспорить его лидерство в стаде. От одного такого удара на кузове точно остались бы две глубокие вмятины.

Ся Дунли вовремя схватил рвавшегося в бой Сяомэ, скрутил Дами и утихомирил остальных животных. После недолгих переговоров обе стороны пришли к миру: Ся Дунли притащил шланг и отмыл машину, а водитель согласился переставить её в другое место.

Хоть со стороны и казалось, будто Ся Дунли уступил, на деле автовладельцу досталось сполна: хотя сам он не пострадал, овцы щедро усеяли всю землю вокруг горошком помёта. В суматохе тот не только наступил в него, но и измазал штанины какими-то сомнительными следами. Выглядел он... довольно плачевно.

Даже Ся Дунли не удержался от сочувственного взгляда. К счастью, солнце стояло высокое, так что сполоснутая одежда быстро подсохла, а сам водитель, узнав, что припарковался на пахотной земле, заметно убавил спесь. В итоге конфликт уладили мирным путём.

Однако, порассуждав на досуге, Ся Дунли понял: так продолжаться не может. В этот раз попался рассудительный и законопослушный человек, а если в следующий раз приедет какой-нибудь скандалист? Поэтому, вернувшись домой, он сразу заказал партию саженцев кустарника, намереваясь обнести арендованный участок живой изгородью.

И вот теперь Лао Сюй разглядывал тот самый холмик, уже засаженный молодым кустарником. Надо признать, питомник не подвёл: спустя неделю адаптации саженцы пустились в рост, радуя глаз сочной, густой зеленью. Тем более что Ся Дунли перед вспашкой всё тщательно разметил, и кусты выстроились в безупречно ровную, приятную взгляду линию.

Лао Сюй подошёл поближе, присмотрелся и вдруг расплылся в улыбке:

— Ого! Да это же мой «Лес Ант»!

Ся Дунли обомлел, а затем тоже улыбнулся:

— Ты надо же, узнал!

— Ещё бы! Я же у них раньше сок облепиховый покупал!

Лао Сюй осторожно, обходя острые колючки, сорвал оранжево-красную ягоду и, даже не помыв, отправил её прямо в рот. В то же мгновение его лицо сморщилось в гармошку.

Он невольно причмокнул:

— Да-а, тот самый вкус! Кисло так, что аж пробирает!

Ся Дунли смерил его сложным взглядом:

— Ты единственный смельчак на моей памяти, кто ест эти ягоды сырыми.

Облепиху недаром зовут «колючкой-кислицей» — одно название говорит само за себя. Это растение долгое время оставалось дикорастущим и было окультурено человеком совсем недавно, поэтому сохраняло свой первозданный, терпкий вкус: сладости в нём хватало, но кислинка перебивала всё с лихвой.

Вот почему, несмотря на колоссальную пользу и богатый состав ягод, большинство людей предпочитало употреблять облепиху разве что в виде сока с добавлением мёда и ледяной воды или же перетёртой с сахаром в густое варенье.

<http://bllate.org/book/18144/1757872>